

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Канавинского района
Центральная районная библиотека
им. Ф.М. Достоевского
Информационно-библиографический отдел

12+

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК

Нижний Новгород
2019

Уважаемые читатели!

Великую Отечественную войну без преувеличения можно назвать крупнейшим событием XX столетия. Сегодня о войне много говорят и пишут. События тех лет вызывают ожесточенные споры. Как бы там ни было, несомненно одно: нашему народу досталось тяжелейшее испытание, которое он смог выдержать с честью. Низкий поклон нашим дедам и прадедам: если бы не они, никого из нас просто не было бы на свете!

Люди! Покуда сердца стучатся,- помните!

Какою ценой завоевано счастье,- пожалуйста, помните!

Мечту пронесите через года и жизнью наполните!..

Но о тех, кто уже не придет никогда,- заклинаю,- помните!

/Р. Рождественский/

Сегодня, когда война постепенно переходит из живой памяти в историю, очень важны любые свидетельства о ней.

27 января 1944 года, закончились 872 смертельных дня блокады города Ленинграда. Это были дни голода, невыносимого холода и смерти. Но также и отваги, самопожертвования и невероятного героизма. 75 лет прошло с той трагедии, все меньше остается ее свидетелей, но сохранились дневники и воспоминания, посвященные ленинградской блокаде. Блокадные дневники это фиксация трагедии в режиме реального времени. А для нынешнего поколения чтение дневников – один из лучших способов узнавания и осмысления прошлого.

Всему миру известен дневник **Тани Савичевой**. Он совсем небольшой – всего девять записей. Но сколько в них боли, в этих простых строках о гибели большой семьи.

Эта маленькая тетрадка была предъявлена на Нюрнбергском процессе в качестве документа, обвиняющего фашизм. Детская рука, теряющая силы от голода, писала очень скупо. Хрупкая душа, пораженная невыносимыми страданиями, была уже не способна на эмоции, описания подробностей. Таня просто фиксировала реальные факты своего бытия – трагические «визиты» смерти в родной дом. И когда читаешь это, цепенеет душа...

Сейчас дневник Тани находится в Музее истории Ленинграда в Санкт-Петербурге. Его копия выставлена в витрине мемориала Пискаревского кладбища, где покоятся 570 тысяч горожан, погибших во время 900-дневной фашистской блокады.

В осажденном городе жила в то страшное время простая школьница **Лена Мухина**. Девочка вела дневник, который чудом сохранился... Читать строки, написанные рукой юной ленинградки, тяжело. Но еще труднее представить, в каких условиях находилась семья Мухиных.

«29/1. Давно не писала. Все как-то не выбрать время. Мы два дня: 27 и 28 сидели без хлеба. Почти ни в одной булочной не было хлеба. Говорят, этот перебой в хлебе произошел по причине той, что вследствие сильного мороза на хлебозаводе лопнули трубы. Так или иначе, мы сидели 2 дня без хлеба и без обеда, питаюсь только одним супом из школы и студнем. Мама так ослабла, что еле ходит. Но, о счастье, вчера я получила вместо хлеба пшеничную хорошую муку. 975 гр., и мама совсем ожила. Мы сразу сделали суп-болтушку и лепешки. Если и завтра не удастся достать хлеба, мы опять возьмем мукой. Сегодня потеплело, идет снег. В доме 17 пошла вода. Сегодня стояла там в очереди и достала воду. А то последнее время стояли такие морозы. Воду брали из проруби с Фонтанки.

Не знаю, проживем ли мы. Мою маму совсем подкосили эти два ужасных дня. Она очень ослабла, но крепка духом. Она хочет жить, и она будет жить.

8/II. Вчера утром умерла мама. Я осталась одна. (...)

11/II. Сегодня прибавили хлеба. Утром я с дворничихой отвезла маму на улицу Марата. (...)

Вчера я топила большую печку, и у меня в комнате было +12 градусов тепла. Печка была почти доверху каленая. Завтра я получу 600 гр. хлеба, подумать только. Сейчас я ничего больше делать не буду, а лягу спать. Утро вечера мудренее. Как тяжело одной!» (...)

Юра Рябинкин, живший в Ленинграде с мамой и сестрой, боролся не только с блокадными обстоятельствами, пришедшимися на долю всех, он боролся ещё и с самим собой, со своей совестью, вынужденный делить крохи хлеба с самыми близкими, и честно записывал эти трагические переживания в свою синюю тетрадку в матерчатой обложке.

«9 и 10 ноября. Засыпая, каждый день вижу во сне хлеб, масло, пироги, картошку. Да еще перед сном – мысль, что через 12 часов пройдет ночь и съешь кусок хлеба... Мама мне каждый день твердит, что она с Ирой ест по 2 стакана горячего, с сахаром чая, по полтарелки супа в день. Не больше. Да еще что тарелку супа вечером. Все же мне. (...) Ира, например, вечером даже отказывается от лишней порции супа. А мне они обе твердят, что я питаюсь, как рабочий, мотивируя тем, что я ем 2 тарелки супа в столовых да побольше, чем они, хлеба. Весь характер мой почему-то сейчас круто изменился. Стал я вялый, слабый, – пишу, а рука дрожит, иду, а в коленках такая слабость, кажется – шаг ступишь, а больше не сможешь и упадешь. (...) Я сижу и плачу... Мне ведь только 16 лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну...

26 ноября. (...) Меня сегодня мать Штакельберга назвала круглым дураком, что я не ворую у И-вых. «Я бы, – говорит, – и не посмотрела».

Вместо растительного масла дают повидло. Очереди. Эх, достать бы где кокосового жиру. Где-нибудь... (...)

Итак, начинается разгром Германии. И под Москвой, и под Ростовом, и под Ленинградом. Чтобы поскорее лопнула бы эта фашистская свинья, черт бы ее побрал! Но когда она лопнет, то от нее повеет такой смрадный дым, что никого в живых не останется. (...) Как бы я сейчас поел хлеба... Хлеба... Хлеба...

3 декабря. Заболела мама. Сегодня она не вышла и на работу. Температура, ломит кости, тяжесть в ногах... Не водянка ли? И так тяжело, а... Больше ничего не могу писать. Такое упадочное настроение. Сижу в кухне, трещат дрова в печке, а на сундуке рядом лежит больная мать... Боже мой! (...)

По сводке Тихвин взят немцами. Севастополь продолжает обороняться.

Мама больна, Ира – ребенок, от Тины ничего нет, неизвестен и ее адрес, я изнемогаю, изнурен, еле держусь на ногах... Что-то будет дальше?...» (...)

Есть книги, в которых не фигурально, а прямо соавтором становятся история, народ: такие, где основа текста – подлинные, точно зафиксированные документальные записи. Это прежде всего «Я из огненной деревни...» (А. Адамович, Я Брыль, В. Колесник) и «Блокадная книга» (А. Адамович, Д. Гранин).

Даниил Гранин назвал девятьсот дней блокады Ленинграда «эпосей человеческих страданий». «Блокадная книга», написанная им совместно с Алесем Адамовичем, основана на воспоминаниях и дневниках сотен блокадников. Среди свидетельств тех страшных дней — дневники погибшего подростка Юры Рябинкина, ученого-историка Г.А.Князева и многие другие. «*Это была история не девятист дней подвига, а девятист дней невыносимых мучений*», — писал Д.Гранин.

Взгляд из того времени дополняют воспоминания, написанные спустя почти семьдесят лет после блокады.

Эта книга о героизме, но героизме «внутрисемейном, внутриквартирном», книга о пределах человека и его духовной силе, которая помогла многим людям пережить испытания голодом, холодом, обстрелами и в нечеловеческих условиях остаться людьми.

Блокадная книга состоит из высказываний жителей Ленинграда, которые оказались в блокаде. К примеру, описывается история о том, как девушка начала сходить с ума от голода и бормотать про то, что она кашу ела целыми днями. Непозволительная роскошь... Её сестра рассказывает, как они отоваривали чеки, а потом делили 250 грамм на двоих, да ещё и на два раза. Делали суп из луковицы, а потом раздобыли клей. Сестра делала студень из клея и хотя сама это есть не могла, но младшая ела.

Другая девочка мечтала о заполненных прилавков булочной хлебом. Даже не булочками, не свежей выпечкой. Тогда хлеб продавщица рубила, потому что резать это было невозможно... Один учёный рассказывает, как они этот хлеб в кипятке растворяли – вот и еда. А потом ели. Из тарелки. Ложками. Вот что важно: люди пытались делать привычное, оставаться людьми.

А потом была история про мальчика. Его мать спасалась и брала всё, что могло унести дистрофическое тело: серебряные ложки, ещё какие-то дорогие предметы. И ребёнок. Однако на санках ехал не сын, а эти самые ложки. Они были непосильной ношей, потому что даже санки не могли помочь унести этот драгоценный груз. Нужны-то они были для того, чтобы обменять на еду. А потом сил не осталось, и пришлось оставить сына.

Этих историй множество и поражают они своей безвыходностью.

Во время Блокады голодающие ленинградцы были вынуждены есть домашних и уличных животных, в основном, собак и кошек. Однако иногда именно домашние питомцы становились главными кормильцами целых семей. Например, существует история про кота Ваську:

«Моя бабушка всегда говорила, что тяжёлую блокаду и голод, я, моя мама, а я её дочь, пережила только благодаря нашему коту Ваське. Если бы не этот рыжий хулиган, мы с дочерью умерли бы с голоду как многие другие.

Каждый день Васька уходил на охоту и притаскивал мышек или даже большую жирную крысу. Мышек бабушка потрошила и варила из них похлебку. А из крыски получался неплохой гуляш. При этом кот сидел всегда рядом и ждал еду, а ночью все трое лежали под одним одеялом, и он согревал их своим теплом.

Бомбежку он чувствовал намного раньше, чем объявляли воздушную тревогу, начинал крутиться и жалобно мяукать, бабушка успевала собрать вещи, воду, маму, кота и выбежать из дома. Когда бежали в убежище, его как члена семьи тащили с собой и смотрели, как бы его не унесли и не съели.

Голод был страшный. Васька был голодный как все и тощий. Всю зиму до весны бабушка собирала крошки для птиц, а с весны выходили с котом на охоту. Бабушка сыпала крошки и сидели с Васькой в засаде, его прыжок всегда был на удивление точным и быстрым. Васька голодал вместе с нами и сил у него было недостаточно, чтобы удержать птицу. Он хватал птицу, а из кустов выбегала бабушка и помогала ему. Так что с весны до осени ели еще и птиц.

Когда сняли блокаду и появилось побольше еды, и даже потом после войны бабушка коту всегда отдавала самый лучший кусочек. Гладила его ласково, приговаривая – кормилец ты наш.

Умер Васька в 1949 году, бабушка его похоронила на кладбище, и, чтобы могилку не затоптали, поставила крестик и написала Василий Бугров. Потом рядом с котиком мама положила и бабушку, а потом там я похоронила и свою маму. Так и лежат все трое за одной оградкой, как когда-то в войну под одним одеялом.»

Автор истории неизвестен.

Список рекомендуемой литературы по теме:

1. **Адамович А.** Я из огненной деревни... / пер. с белорус. Д. Ковалева. - Москва : Известия, 1979. - 526 с. - (Библиотека "Дружбы народов").
2. **Безрукова Л.** Хлебная карточка : [воспоминания девочки-блокадницы] // Российская газета. - 2015. - 30 апр.-6 мая (№ 93). - С. 24-25.
3. **Берггольц О.** Февральский дневник // Стихи военных лет, 1941-1945. - Москва : Художественная литература, 1985. - С. 58-61.
4. **Великотная Т.К.** "Я стесняюсь того, что осталась жива" : [выдержки из дневников жителей блокадного Ленинграда Татьяны Великотной и Веры Берхман] : к 70-летию со дня снятия блокады Ленинграда / // Фома. - 2014. - № 1. - С. 62-69.
5. **Гранин Д.** Блокадная книга. - Москва : Советский писатель, 1982. - 432 с.
6. **"Детская книга войны" : слушайте и помните!** / подгот. : С. Грачев; Т. Кузнецова; О. Шаблинская; Ю. Шигарева; Я. Ямольдинов // Аргументы и факты. - 2016. - 4-10 мая (№ 18). - С. 9.
7. **И вновь звучит над миром Савичева Таня** : информационная брошюра о судьбе ленинградской пионерки Тани Савичевой. - Шатки : Арзамасская типография, 2014. - 38 с.
8. **Иванушкина П.** Живая книга : [дневник узницы концлагерей] // Аргументы и факты. - 2014. - 3-9 дек. (№ 49). - С. 12.
9. **Макогоненко Г.** Письма с дороги : Ольга Берггольц в дни блокады // Литература великого подвига. - Москва : Художественная литература, 1980. - С. 460-490.